

Д. А. Романов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Россия, Тула)
kafrus@rambler.ru*

ЯЗЫКОВЫЕ НОВАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО 1870–1890-Х ГГ. НА ФОНЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИИ ЕГО ТВОРЧЕСТВА*

Творчество Толстого почти не содержит неологизмов в традиционном их понимании. Исключение составляют отдельные производные слова, которые могли быть впервые употреблены Толстым или же которые Толстой вместе с другими авторами-современниками одним из первых зафиксировал в своих произведениях.

В произведениях Толстого фиксируются главным образом семантические новации, отражающие смысловое расширение слова путем придания ему нового, не отмеченного ранее значения. Подобные семантические расширения можно условно разделить на две группы: образные (тропеические) и сугубо номинирующие (нетропеические).

К области творческих новаций Толстого относится расширение сфер использования тех или иных слов (стилистическое и функциональное расширение). Достаточно часто Толстой переносил слова из сферы обычного употребления в контексты философски-публицистические, наделяя их значением морально-этических категорий.

Отдельные просторечные и диалектные слова (или значения) Толстой вводил в литературный оборот с целью определения каких-либо социальных понятий.

Сфере лексических новаций Толстого принадлежат также впервые сделанные им русские транскрипции и транслитерации отдельных, преимущественно французских, слов, которые были впервые употреблены в кириллическом написании именно Толстым.

Некоторые лексемы в силу их частотного использования Толстым приобрели в русском языке своеобразную «печать» его творчества, включенную в коннотативный и прагматический компоненты их значения.

Ключевые слова: неология, семантическое расширение, стилистическое расширение, просторечные и диалектные слова, иноязычная лексика, коннотация.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00008.

Проблема неологии применительно к творческой деятельности Л. Н. Толстого рассматривается не вполне однозначно и, видимо, не в своих первостепенных аспектах. Но вместе с тем подобное рассмотрение помогает увидеть ряд интересных особенностей работы Толстого с языком.

Здесь мы попытаемся обобщить наблюдения над характерными для стиля Толстого типами словотворчества вообще, отдельно выделив примеры работы Толстого со словом в 1870-х–1890-х гг., когда его обновленный (так называемый «простой») стиль, выработанный при создании «Азбуки», «Русских книг для чтения» и «Народных рассказов», стал активно входить в его художественное творчество. В качестве источников таких примеров будем использовать отдельные тексты «Большой азбуки» (1872), повести «Крейцера соната» (1889) и «Дьявол» (1890).

Неологизмов в традиционном их понимании творчество Толстого почти не содержит. Исключение составляют отдельные производные слова, которые могли быть впервые употреблены Толстым или же которые Толстой вместе с другими авторами-современниками одним из первых зафиксировал в своих произведениях (например, существительное *непротивление*, прилагательные *комильфотный*, *капуйский*, *муравейный*). Результатом словотворчества Толстого становились некоторые сложные лексемы (вроде существительного *свободолегкомыслие* или ряда дефисных прилагательных: *сверхъестественно-утонченный*, *сверхъестественно-прекрасный* и т. п.).

В произведениях рассматриваемого периода встречаются такие примеры.

В рассказе «Большой азбуки» «Охота пуще неволи» отмечен глагольный неологизм *посовывать* в значении ‘попеременно двигать вперед’ («Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому снегу *посовываем*, да кое-где треснет дерево от мороза...»). В форме несовершенного вида этот глагол в толковых словарях не отмечен. Кроме того, и особое значение многократного, длительного действия у этой формы, видимо, развито Толстым. У глагола *посовать* БАС фиксирует только семантику ‘совать некоторое время; сунуть несколько раз’ [БАС, т. 19: 112]. Таким образом, перед нами и формальное и семантическое новообразование писателя. НКРЯ дает на эту лексему одно вхождение как раз в толстовском значении: *Посовывать в воздухе кулаками* (Л. М. Леонов, «Барсуки», 1924).

Потенциальное для языка прилагательное *проституточный* впервые фиксирует именно Толстой в «Крейцеровой сонате». Вот один из контекстов: «Отчего азартная игра запрещена, а женщины в *проституточных*, вызывающих чувственность нарядах не запрещены?» Это прилагательное до настоящего времени толковыми словарями не отмечается. Тексты НКРЯ дают его только в конце XX в.

Языковые новации Толстого состоят главным образом в семантической трансформации лексем, т. е. в развитии у них переносной семантики (*изюминка*, *лихоимство*, *куражный* и др.). Отдельную группу в этом плане составляют деонимизированные лексемы, т. е. имена собственные, переведенные в разряд нарицательных с метафорическим значением: *кунктатор* — ‘вдумчивый, неторопливый, медлительный человек’, *магдалина* (применительно к лицам обоего пола) — ‘грешник, думающий о раскаянии и надеющийся на прощение’.

Таким образом, в произведениях Толстого употребляются преимущественно семантические неологизмы, т. е. происходит смысловое расширение слова путем придания ему нового, не отмеченного у него ранее значения. Подобные семантические расширения можно условно разделить на две группы: образные (тропеические) и сугубо номинирующие (нетропеические), — хотя в основе семантического переноса все равно лежат метафора и метонимия, но в первом случае они создают образность, во втором — носят «стертый» характер.

Окказиональное образное расширение семантики слов характерно многим произведениям Толстого. Вот примеры из исследуемого периода творчества:

Свиной — ‘животный, низменный в крайней степени, физиологичный’. Естественно, что такое значение толковыми словарями не зафиксировано. Это семантический неологизм повести «Крейцера соната», где названное значение фиксируется трижды. Например: «... предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, *свиное*, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно».

Показательно смысловое отличие толстовского семантического неологизма *свиной* от узуальных прилагательных *свиной* и *свинский*. Притяжательное и относительное прилагательное *свиной* реализует семантику названных лексико-грамматических классов адъективной лексики: ‘Предназначенный, служащий для свиней. // Приготовленный из мяса свиньи. // Такой, как у свиньи’ [МАС, т. 4: 49]. Прилагательное *свинский* связано с метафорическим значением мотивирующего существительного: *Разг. презр.* 1. ‘Грубый, примитивный.’ 2. ‘Непорядочный, низкий, подлый’ [МАС, т. 4: 50]. Для Толстого же принципиально важным является подчеркивание животности, физиологичности того существования, которое он называет *свиным*.

Большое количество слов в произведениях писателя становилось объектом творческого переосмысления Толстого. Как правило, оно включало в себя иронию или появление негативного смысла у нейтральных или традиционно позитивных лексем (*приличный, порядочный, приятный, светский, знаменитый* и др.).

Семантические расширения сугубо номинирующего (нетропеического) характера включают переносные значения отдельных лексем, оказавшиеся впервые зафиксированными (или уникально зафиксированными) в произведениях Толстого и не несущие печати литературной образности. Писатель, скорее всего, не является творцом этих значений, но становится самым чутким из всех современников, кто отразил редкие, необычные или не совсем обычные для широкого узуса значения. Например: *гуртовой* — ‘*метаф.* множественный, многочисленный, массовый’, *коновязь* — ‘*метоним.* лошади, связанные веревкой’, *гулянье* — ‘*метоним.* общественное место для прогулок’, *подъем* — ‘*метаф.* энтузиазм, прилив энергии, воодушевление’.

В произведениях исследуемого периода отмечаются такие примеры номинирующего смыслового расширения.

Слово *тормоз* имело в русском языке XIX в. несколько графических оформлений (*тормос, тормоз, тормас, тормаз*) и развило несколько значений. Толстой, очевидно, один из первых активных пользователей всех значений этого слова и его разных графических вариантов.

Так, еще в «Путевых заметках по Швейцарии» (1857) отмечается следующий пример: «Я убежден, что в человека вложена бесконечная не только моральная, но даже физическая бесконечная сила, но вместе с тем на эту силу положен ужасный *тормаз* — любовь к себе, или скорее память о себе, которая производит бессилые. Но как только человек вырвется из этого *тормаза*, он получает всемогущество». Современная семантика этого слова выглядит так: 1. ‘Устройство для замедления или остановки движения какой-либо машины’. 2. ‘То же, что торможение’. 3. *перен.* ‘Препятствие, помеха в чем-либо’ [МАС, т. 4: 387].

В примере из путевых заметок Толстого отмечается первый этап, самое начало метафорического семантического переноса: *тормаз* у него еще не столько ‘препятствие, помеха’, сколько ‘нечто задерживающее, не дающее развиваться, реализоваться’. Это подтверждает мнение Ю. С. Сорокина о том, что в середине XIX в. «переносно-фразеологизированное употребление собственно технических (производственных) терминов только начинается», а наибольшее развитие оно приобретает только к концу века [Сорокин 1965: 474].

В повести «Крейцера соната» встречается иное значение этого слова, ныне устарелое (и иное его написание, — наоборот, ныне традиционное): «Когда раздался свисток, купец поднялся, достал из-под лавки мешок, запахнулся и, приподняв картуз, вышел на *тормоз*». В данном контексте выступает оттенок первого из приведенных выше значений — *устар.* ‘Площадка железнодорожного вагона, на которой помещается такое устройство’, т. е. тормозящее [МАС, т. 4: 387].

Происходит слово *тормоз*, по Фасмеру, от греч. *τόρμος* — ‘все то, что вставлено в отверстие; дыра, в которой торчит затычка, гвоздь, кольшпек’ [Фасмер 1995, т. 4: 84]. О. Н. Трубочев со ссылкой на Дмитриева предполагает, что слово восходит к тюркскому *turmaz* — ‘подкладыш для колес арбы’ [Там же]. Имеется гипотеза и об исконно славянском происхождении этого слова.

В русском языке это слово (точнее, корень) известно, очевидно, с древнерусской эпохи. Как отмечает П. Я. Черных со ссылкой на Тупикова, зафиксировано оно в прозвище *Тормос* (XIV в.) и фамилии *Тормосов* (*Тормасов*) [Черных 1999, т. 2: 252]. В словарях появляется лишь с конца XVIII в. (в первую очередь в Словаре Академии Российской: т. 6, 1794). В прямом значении — ‘приспособление, замедляющее, останавливающее движение’ — зафиксировано многими говорами (‘железная полоса под сани’, ‘крюк на колесо’ и т. п.).

Первые фиксации метафорически переносного значения относятся к середине 1850-х–1860-м гг. XIX в. По данным НКРЯ, в графическом варианте *тормоз* переносное значение впервые встречается в Дневнике А. В. Никитенко 1854 г.

Таким образом, Толстой использовал и терминологическое (техническое) и метафорически переносное значение этого слова. Уже в 1857 г. он одним из первых зафиксировал в литературном произведении семантический перенос в значении этой лексемы.

К области творческих новаций Толстого относится расширение сфер использования тех или иных слов (стилистическое и функциональное расширение). Достаточно часто Толстой переносил слова из сферы обычного употребления

в контексты философски-публицистические, наделяя их значением морально-этических категорий (*суеверие, заблуждение*) и употребляя преимущественно в форме среднего рода (*гаджое, стыдное, красивое*).

Отдельные просторечные и диалектные слова (или значения) Толстой вводил в литературный оборот с целью определения каких-либо социальных понятий (*усетиться*), в том числе в негативной трактовке (*шлюстик*).

На страницы повести «Крейцера соната» Толстой ввел диалектный глагол *гвазжаться*: «Я гваздался в гное разврата и вместе с тем разглядывал девушек, по своей чистоте достойных меня». Слово не зафиксировано в толковых словарях современного русского языка как носящее явный диалектный характер. СРНГ трактует *гвазжаться* как ‘мараться, грязниться, пачкаться’ [вып. 6: 157] и указывает его распространение в говорах разных территорий (не только южнорусских). В данном случае это традиционный толстовский лексический прием: диалектное слово используется для более выразительного обозначения общественно негативного явления.

Сфере лексических новаций Толстого принадлежат также впервые сделанные им русские транскрипции и транслитерации отдельных, преимущественно французских, слов, которые были впервые употреблены в кириллическом написании именно Толстым (*тортю, камэ, элукубрации* и др.).

Толстой мог быть в этом отношении первым или независимо от других предлагал свою графическую интерпретацию иноязычного слова. Так, в повести «Дьявол» встречается следующий пример: «Вечером, по обыкновению, после чая Марья Павловна делала *пасьян*. Евгений сидел, помогая ей. Это было время самых душевных разговоров. Окончив один *пасьян* и не начиная новый, Марья Павловна взглянула на Евгения...».

Слово *пасьянс* в русском языке имеет французское происхождение (буквально фр. *patience* — ‘терпение’). Первая лексикографическая фиксация в русской графике (форма *пасьянс*) осуществлена в словаре В. И. Даля. В 1860–1890-е гг. слово *пасьянс* уже активно использовалось в русском языке, но Л. Н. Толстой в своей повести предлагал один из маргинальных его графических вариантов (и, видимо, впервые здесь зафиксированный), что, очевидно, связано с художественными задачами. Это своеобразная характеристика Марьи Павловны Иртеневой, претендующей на особую светскую изысканность и оригинальность.

Некоторые лексемы в силу их частотного использования Толстым приобрели в русском языке своеобразную «печать» его творчества, отражающуюся в коннотативном и прагматическом компонентах их значения. НКРЯ дает на такие лексемы множественные «толстовские вхождения», а наиболее авторитетные и подкрепленные хорошей картотечной традицией толковые словари обязательно содержат применительно к этим лексемам иллюстрации из произведений Л. Н. Толстого (например, *субординация, искания, ложный*).

Подводя итог рассуждениям о лексических новациях в творческом опыте Л. Н. Толстого, можно заключить, что у писателя отмечаются 1) явления окказионального словотворчества, когда он индивидуально обрабатывает слово (расширяет семантику, дает новую стилистическую функцию, привносит в язык заимствование

и т. п.) и 2) словотворчество фиксирующего типа, когда Толстой подмечает новацию или некий уже возникший в языковой практике, но еще не усвоенный языком лексический прием и закрепляет его в своем творчестве, может быть, придавая ему новые грани. И в том, и в другом случае писатель реализует свой особый подход к языку.

Источники

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–23–. (БАС). М., СПб.: Наука, 2004–2016–.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. В 2 т. М.: Терра, 1994. Репринтное издание 1912 г.

Национальный корпус русского языка. (НКРЯ). [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru. (дата обращения — 25 марта 2018 года).

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41–. (СРНГ). М., Л., СПб.: Наука, 1965–2009–.

Словарь русского языка. В 4 т. Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). Изд. 4-е. М.: Русский язык, 1999.

Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. (БАС I). М., Л.: Наука, 1948–1965.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Изд. 3-е. СПб.: Терра, 1996.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Изд. 3-е. М.: Русский язык, 1999.

Литература

Романов Д. А. О некоторых особенностях словоупотребления в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Русский язык в школе, 2013, № 12. С. 49–56.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 гг. XIX в. М., Л.: Наука, 1965. 565 с.

D. A. Romanov

Tula State L. N. Tolstoy Pedagogical University

(Russia, Tula)

kafrus@rambler.ru

LANGUAGE INNOVATIONS OF L. N. TOLSTOY'S WORKS (1870–1890) AGAINST THE BACKGROUND OF SEMANTIC AND STYLISTIC NEOLOGY OF HIS CREATIVITY

Tolstoy's works almost don't contain neologisms in their traditional understanding. The exceptions are separate derivative words which could be used by Tolstoy for the

first time or which Tolstoy among the first has recorded in the works together with other authors-contemporaries.

In Tolstoy's works mainly semantic innovations reflecting semantic expansion of a word by rendering to it a new meaning are fixed. These semantic expansions can be divided into two groups: figurative (tropeic) and strictly nominating (nontropeic).

The area of creative innovations of Tolstoy includes expansion of spheres of use of various words (stylistic and functional expansion). Rather often Tolstoy transferred words from the sphere of their usual use to philosophical and publicistic contexts, endowing them with the meaning of moral and ethical categories.

Tolstoy introduced separate colloquial and dialectal words (or meanings) into literary circulation for the purpose of definition of social concepts.

The sphere of Tolstoy's lexical innovations includes also the Russian transcriptions and transliterations of some words, mainly French, made by him for the first time, which were used in the Cyrillic writing for the first time by Tolstoy.

Some lexemes owing to their frequent use by Tolstoy have got in the Russian language the peculiar impression of his individual style included in connotative and pragmatic components of their meaning.

Key words: neology, semantic expansion, stylistic expansion, colloquial and dialect words, foreign-language lexicon, connotation.

References

Romanov D. A. [On some features of word usage in the novel «War and Peace» by L. N. Tolstoy]. *Russkii yazyk v shkole*, 2013, no. 12, pp. 49–56. (In Russ.).

Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo jazyka v 30–90 gg. XIX v.* [Development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30s–90s of the 19th century]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 1965. 565 p.